

СПИВАКОВ ПОЖЕРТВОВАЛ СВОЙ ЮБИЛЕЙ

Известия. — 2004. —
14 сент. — с. 175.

ЮРИЙ КАЛУГИН

→15

В Большом зале Консерватории чувствовали Владимира Спивакова, который решил отпраздновать 60-летие не в собственном Доме музыки, а в легендарных, но обшарпанных консерваторских стенах.

Программа концерта, первоначально куда более мажорная, претерпела изменения в связи с трагедией в Беслане. Праздник вышел скорее торжественным, нежели веселым, — все средства от концерта и «Виртуозы Москвы»,

и Национальный филармонический оркестр России, и знаменитая албанская сопрано Инва Мула по инициативе маэстро перечислили в Фонд помощи пострадавшим в Беслане.

Несмотря на подчеркнутую аскетичность программы, юбиляра буквально завалили цветами и подарками — речи были запланированы в конце, за исключением поздравления от президента России, которое прочли в начале.

Скрипка Владимира Спивакова и голос албанской дивы Инвы Мулы устроили «синхронное плавание» в ариях Моцарта

→СПИВАКОВ ПОЖЕРТВОВАЛ ДЕТЯМ БЕСЛАНА

А в перерывах между номерами основной программы к сцене то и дело подходили всевозможные знаменитости, порой выстраиваясь в длинные очереди: Спиваков просил подождать, пока отнесет очередную порцию роз, лилий и орхидей за кулисы. Среди дарителей букетов были замечены Юрий Лужков, Иосиф Кобзон, Олег Табаков, Марк Захаров, Валентин Юдашкин, Татьяна Тарасова. Из зала маэстро аплодировали Илзе и Андрис Лиела, Андрей Караулов и многие другие.

Финал получился разговорным, и не вся публика, только что аплодировавшая супершлягерным хитам (напоследок Спиваков расщедрился и разразился тройным бисовым ударом: «Грустный вальс» Сибелиуса, Andante maestoso из «Щелкунчика» и Вальс из музыки к «Маскараду» Хачатуряна), смогла выдержать речевую часть. Особенно невежливо обошлась галерка с велеречивым президентом Киргизстана Аскарком Акаевым — впрочем, его затянувшееся поздравление «захлопывали» куда добродушнее, нежели сочинение Александра Рабиновича-Бараковского «Красивая музыка» на последнем концерте легендарной Марты Аргерих. В финале поздравления Аскар Акаев подарил и надел на Владимира Спивакова национальный головной убор и роскошный черный ха-

лат. Далее на сцену выходили министр культуры Александр Соколов, первый заместитель мэра Москвы Любовь Швецова. Все они вспоминали творческие и меценатские заслуги знаменитого музыканта, в итоге пересказав практически всю его творческую биографию. То, о чем забыли поздравители, вплетал в свой конференс Святослав Бэлза, в очередной раз рассказав и о палочке Бернстайна, и о скрипке Страдивари (кстати, те меценаты, которые предоставили Спивакову скрипку в пожизненное пользование, находились в зале). Неформальным и неожиданным вышло поздравление Олега Табакова, который пожелал своему другу глубокого понимания известной мудрости, говорящей о том, что в России надо жить долго. В финале от нового партнера оркестра — одной из ведущих пивоваренных компаний России — Владимир Спиваков получил чек на приобретение сотни первоклассных ударных и духовых инструментов для своего Национального филармонического. Под самый занавес, во время ответной речи Спивакова, на сцену выбежала запыхавшаяся Валентина Матвиенко, которая «просто не могла в этот день не прилететь в Москву из Санкт-Петербурга и не поздравить Владимира Спивакова».

СКРИПАЧ И ДИРИЖЕР **ВЛАДИМИР СПИВАКОВ**

«НЕФТЯНОЙ ВЫШКИ У МЕНЯ НЕТ»

В канун 60-летнего юбилея знаменитого скрипача и дирижера Владимира Спивакова «Известия» публикуют наиболее интересные фрагменты «Прямой линии», в рамках которой **ВЛАДИМИР СПИВАКОВ** ответил на вопросы наших читателей.

— Будет ли перестраиваться Большой зал Дома музыки? Сейчас он очень неудобен для зрителей из-за узких проходов между рядами. Решится ли вопрос с акустикой?

— Зал этот я сам не строил. Но акустика тем не менее улучшается. Причем это стали замечать сами музыканты. Она улучшается сама по себе — от вибрации, от того, что там проходят репетиции, от того, что туда приходит публика. Возникает какое-то энергетическое взаимодействие. Впереди установка органа. Это тоже внесет свои коррективы в акустику.

— Много ли времени вы проводите со своей семьей? Удастся ли вам отдохнуть вместе?

— Единственное время, когда я провожу полностью со своей семьей, это август, когда я не принимаю ни одного приглашения. У меня четыре девочки. Живем мы вместе с Сатиной мамой, потому что я потерял своих родных. Дети занимаются музыкой. Старшая великолепно играла на рояле до 18 лет, получила даже две первые премии во Франции на достаточно трудном конкурсе, который проводило Radio France. Но тем не менее в 18 лет она захотела заниматься философией, искусством.

Средняя девочка великолепно рисует и играет на флейте, танцует и участвует в драматических спектаклях. Так что иногда дома слышу Чехова на французском языке. Младшая тоже ходит в консерваторию. Играет на рояле. И прекрасно поет.

— Учитываете ли вы при составлении репертуара место проведения гастролей?

— Конечно учитываю. Бывают разные ситуации. Иногда приходится бороться за свою идею. Например, в одном случае, когда «Виртуозы Москвы» находились в турне в Германии, вернее, должны были ехать в Германию, импресарио заявил, что мы должны играть в Дахау. Я сказал, что мне не хотелось бы играть в этом городе, потому что некоторые мои родственники погибли в концлагерях. На что мне было сказано, что, если мы откажем-

ся, у нас окажется под вопросом вся поездка, потому что этот город дает больше всего денег. Тогда я сказал, что соглашусь играть, если он не будет вмешиваться в программу. Слово он мне дал. И мы там исполнили камерную симфонию Шостаковича «Памяти жертв фашизма и войны». Я должен сказать, что никогда не слышал, чтобы оркестр так играл, музыканты со слезами на глазах играли. И после концерта, после исполнения, несколько минут вообще стояла гробовая тишина.

— Каково соотношение легкого и серьезного жанров в вашем нынешнем творчестве?

— Я не очень знаю, что такое легкий жанр. Ничего легкого нет в искусстве. Если легким жанром считать польки Штрауса, то их обожал такой серьезный художник, как Шостакович. Но я считаю, что «бисы» после серьезной программы вполне могут быть достаточно легким жанром. Как десерт.

— Говорят, вы увлекаетесь живописью...

— Я когда-то занимался живописью. В Москве я занимался замечательным художником Александром Васильевичем Буторовым, который в свое время учился еще у Чистякова. Но поскольку невозможно было совмещать занятия живописью с занятиями скрипкой, потому что и то и другое требовало по крайней мере 4-часового ежедневного общения, пришлось сделать выбор в пользу музыки. Когда я учился в консерватории, даже еще не в консерватории, в школе, в 10-м классе, я водил детей младших классов в Третьяковку с экскурсией. Идея складывалась меня и теории композиции, перспективы в живописи. Я собираю живопись по мере возможности, но с каждым годом это становится труднее, потому что русская живопись, к моей большой радости, выросла в цене. Я считаю, что, скажем, Кончаловский периода «Бубнового вала» не хуже, чем Сезанн или Фальк. А ню Лебедева не хуже, чем Ренуара, поэтому эта диспропорция в ценах, конечно, дикая — там миллионы, а здесь тысячи. Но сейчас обозначилась тенденция значительного роста спроса на русскую живопись. Однако мои возможности ограничены. Нефтяной вышки у меня нет. Металлы тоже ограничиваются двумя пломбами в зубах. Вот, собственно, и все.